

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Людмила ЛАВРОВА

"Эльчин любит чудеса, - писал в одной из своих статей мудрейший и проницательный критик Лев Аннинский, - он легкий и добрый сказочник, он грустный волшебник, он импрессионист, предпочитающий мерцающие, золотистые, серебристые краски... Есть своя прелесть, своя подкупающая сила в его прозе. Есть в ней возвышение, воспарение, очищение от повседневного. И есть поэзия - поэзия многолюдных кварталов, где в послевоенные годы колобродили голодные, едва выжившие, осиротевшие бакинские ребята - те самые, которые теперь выросли..."

Но выросли не только герои прозы Эльчина, выросли, появились новые читатели, которых по-прежнему притягивает магия его слова, увлекает, побуждает размышлять вроде бы над самыми простыми жизненными событиями и проблемами, однако наполненными глубоким и непреходящим смыслом. Эльчин раскрывает этот смысл в каждом движении человеческой души своих персонажей, в одушевленных зорким писательским глазом пейзажах. В камне, дереве, в движении облаков...

"Звезда" Эльчина, одного из любимых авторов "Литгазеты" на протяжении десятилетий, ворвалась на литературный небосклон с того момента, когда в 1959 году в Баку вышел его первый рассказ. Автору было всего шестнадцать! В 1965-м - опубликована его первая книга "Одна из тысячи ночей"... И практически сразу самобытная проза писателя из Азербайджана становится в переводах на русский язык достоянием не только широкой читательской аудитории в Советском Союзе, но и за его пределами.

У Василия Аксенова, ставшего на исходе советской эпохи ее жестким критиком, есть роман под названием "Таинственная страсть", посвященный кумирам шестидесятых - Роберту Рождественскому, Андрею Вознесенскому, Владимиру Высоцкому, всем тем, кто верил в свои идеалы или отступал от них в поисках новых открытий и берегов, любил, ошибался... но, несмотря ни на что, творил, потому что жажду творчества невозможно унять властными установлениями. Вот эту жажду творить Аксенов и называет таинственной страстью.

Эльчин, хотя и был младше по возрасту, является представителем "шестидесятничества" в Азербайджане, уникального, бунтарского по своей творческой сути явления.

Никакой режим, никакие самые суровые общественные реалии, никакие "руководящие установки" не могли бы заставить Эльчина изменить своим эстетическим принципам, сделать его конформистом. Эта "таинственная страсть", пи-

тающая огонь таланта, сопровождает Эльчина на всем пути. Его проза, от первых юношеских рассказов в XX веке до зрелых глубоких произведений периода независимости Азербайджана в новом тысячелетии, представляет собой цельную художественную вселенную, не подверженную никакой политической конъюнктуре.

Конец 80-х-начало 90-х годов - тяжелый период в творческой биографии Эльчина. Начало карабахского конфликта, наплыв беженцев, трагедия "Черного января", распад большой страны, смена общественно-политических формаций и наступившая на постсоветском пространстве смута.

О том, какие нравственные ориентиры поддерживают его в сложнейшее время начала 90-х, Эльчин говорил в интервью именно "Литгазете" 14 сентября 1994 года: "Иногда, размышляя над (происходящим), я впадаю в пессимизм, даже в панику. С самых древних, незапамятных времен литература "сеяла разумное, доброе, вечное". В перманентной борьбе добра со злом писатель, естественно, был союзником добра. Мировая литература родила таких гигантов, как Гомер, Шекспир, Физули, Гете, Толстой. Вы спросите - от чего же я впадаю в панику? Да ведь ничего

Однако параллельно с восхождением на общественном поприще в его душе и сознании непрестанно шла напряженная внутренняя работа, кипела и побуждала совершенствоваться, оттачивать слово та самая "таинственная страсть", которая, к счастью, никогда Эльчина не покидала. Все, что выходило из-под пера талантливого прозаика и драматурга, прорывалось сквозь рамки "времени и пространства", писалось не на злобу дня, пусть даже самую актуальную, а вело читателя к темам вечным, нетленным, так сказать, шекспировского масштаба. В самых известных произведениях Эльчина, в частности "Махмуд и Марнам", "Белый верблюд", "Смертный приговор", "Я еще вернусь", "Голова", в лучших повестях и рассказах: "В снегу", "Отчаяние лисы", "Шушу туман окутал", "История одной встречи", "Смоковница", "Кумган", в драматургии - и в советскую эпоху, и много позднее - всегда ощущалось что-то не укладываю-

печально и несправедливо. Ибо литературная нива, взрастившая талант Эльчина, при всей ее безбрежности прежде всего отмечена именами великих русских классиков - Чехова, Толстого, Шолохова. В своих литературных дневниках "Время и Слово" Эльчин не раз признается в любви к русской словесности. Например, давая характеристику творчеству классика азербайджанской литературы Джалила Мамедкулизаде, он ссылается на выдающегося русского мыслителя Петра Чаадаева: "Перелестывая П. Чаадаева, наткнулся на одно его признание, и, как это ни странно, перед глазами у меня возник образ Мирзы Джалила. Чаадаев пишет: "Я не умею любить Родину с закрытыми глазами".

На протяжении всей жизни Эльчин ни на день не расставался с главным своим духовным богатством - книгой. Перечитывая его дневниковые записи,

ПОМОЧЬ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

По мысли Эльчина, это то, что вполне может сделать литература

не изменилось в этом подлунном мире. И людинку добра со злом не видно конца. Литература не в состоянии сама по себе что-либо изменить в мире или в человеческой натуре. Это меня угнетает. А с другой стороны, представьте себе на миг, что нет Гомера, Низами, Шекспира. И что тогда? Мрак, пустота, бездна! Знаете, в самые тяжелые моменты жизни я почему-то вспоминаю о Дон-Кихоте. И мне становится легче. Да, литература не в силах спасти все человечество, но она может помочь одному человеку. А это тоже, согласитесь, немало..."

Внешне жизнь писателя складывалась вполне благополучно. Молодой ученый-филолог, популярный писатель, секретарь Союза писателей Азербайджана, председатель Общества культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, депутат Верховного Совета Азербайджана и, наконец, вице-премьер правительства страны, курирующий всю гуманитарную сферу...

шея в привычные каноны. Это касалось и выбора тем, сюжетов для повестей и рассказов, и самой стилистики, ткани повествования. Но, наверное, главное в нем, что привлекало читателей, вызвало их отклик на его книги, - это то, о чем как-то заметил Иосиф Бродский: "Писатель - то дерево, которое отталкивается от почвы".

Так и происходит с Эльчином. Слово писателя исходит от почвы и ведет за собой дальше и выше... Без дидактики и нравучений призывает читателя стать реалистом, увидеть мир в его подлинной сути и глубине. Но в то же время поощряет непрестанное стремление к мечте. Ведь в сущности, как писал Эльчин в одном из своих эссе, опубликованных, конечно же, в "ЛГ", писатель по природе своей - самый большой мечтатель.

Российская аудитория, некогда воспитанная на прозе Айтматова, Думбадзе, Друз, сейчас отдалена от литературы постсоветского пространства. И это

Сегодня мы говорим об Эльчине, человеке свободного духа, человеке Книжи и преданности писательскому делу... А годы не властны над мастерством

ощущаешь, как тебя постепенно охватывают удивительные чувства - радости, нравственного удовлетворения и сопричастности тому великому и непреходящему, что именуется Литературой. Именно так - с большой буквы, с огромным уважением и любовью относится писатель Эльчин к персонажам, произведениям, а также к создавшим эти персонажи и произведения бессмертным именам своих духовных прародителей. В дневниках Эльчин обращается к ним не однажды, неустанно размышляя над тайнами их великих творений. В одной из записей он даже признается, что порой видит своих любимых героев во сне, встречается с ними как со старыми добрыми знакомыми: Анной Карениной, Толстого, королем Лиром Шекспира, Дон-Кихотом Сервантеса, Аксиньей Шолохова.

"Время бессильно перед книгой". "А может, Слово и есть Время?" - задается вопросом писатель. Вначале действительно было Слово. Приобщаясь к Слово, погружаясь в его магию и глубины, человек становится ближе к Создателю.

В этом кроется одна из загадок божественной сути Слова, гимном которому является творчество Эльчина.

Поздравляем нашего давнего друга и постоянного автора Эльчина с 80-летием и желаем крепкого здоровья и новых магических книг!